

Терентій Травнікь

БЕЛОКНИЖЬЕ

I

Терентій Травнікъ Белокнижъе. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793352

ISBN 9785448505072

Аннотация

Белокнижъе – собрание поэтического творчества Терентія Травніка в четырех томах. В поэзии, представленной этим изданием, выделяется несколько главных тем – это философско-богословская тема, лирика о природе, размышления о личном, о слове, языке, литературе, а также стихи-рисунки, стихи-портреты, стихи и сказки для детей. Такое богатое разнообразие поэтических работ автора рассчитано на большую читательскую аудиторию любого возраста, где каждый обретает произведение близкое его душе.

Содержание

«Веры тонкая свеча – у меня в руке...»	8
От автора	36
«Творят стихи стихотворенья...»	37
Молчальникам...	39
«Когда спишемся мы...»	40
«В посвист и под ударом кнута...»	41
«Кидайте в небо белых голубей...»	42
«Тогда, в далеком сорок пятом...»	43
«Давайте вместе слушать тишину...»	44
«Есть в каждой победе беда...»	45
Осеннее – весной...	46
«В весеннем парке утром тихо...»	47
Письмо войне	48
«В эту ночь – накануне Победы ...»	49
Реквием	50
Книга памяти	51
«Задушевные письма стали редки...»	52
«О, сколько на груди своей...»	53
Видение	54
Памяти отца	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Белокнижье
Собрание сочинений
в 4-х томах. Том 1

Терентій Травнікъ

Иллюстратор Демьян Михайлович Утенков

© Терентій Травнікъ, 2017

© Демьян Михайлович Утенков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0507-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Терентій Травнікь

собрание сочинений в четырех томах

том I

БЕЛОКНИЖЬЕ

художник Демьян Утенков

*...Рвутся к жизни
упрямо растущие крылья!
И неважно уже*

*на какой из дорог,
В чьём жилище родиться
стихи поспешили,
Ведь стихам всё равно – в нищете ль,
в изобилье —
Где и как подойдёт их неведомый срок...*

Лара Чернышева

фото Алексея Д.Г.

ДЕМЬЯН УТЕНКОВ и ТЕРЕНТИЙ ТРАВНИКЪ, 2008 год

Demian Utenkov ✨
Terentiy Travnik

«Веры тонкая свеча – у меня в руке...»

Творчество Терентія Травніка, как всякого настоящего мастера, – это прежде всего создание собственного мира – мира не копирующего, а продолжающего, изучающего и дополняющего наше бытие. Да, этот мир похож на наш, а как же иначе: в нем те же и земля, и небо, поиски и потери, печали, любовь, вера... И в то же время он во многом иной, он – поэтический, он, можно сказать в нашем случае, – «травниковский». Порой более реалистичный, чем сама жизнь, ибо он увиденный, отмытый и донесенный до нас талантом, даром поэтического слова. В нем звучит непреходящее настоящее, в нем каждая строка и рифма выстраданы, пропущены через душу и сердце самого поэта.

Первое знакомство со стихами Терентія Травніка напоминает волшебство, чем-то схожее с печатанием фотографии. Читаешь его строки – и воображение само, безо всяких усилий, начинает «проявлять» этот новый, запечатленный душой автора мир. Созданные им образы с каждой секундой становятся все ярче, резче и насыщенней. Еще немного, еще несколько строк – и... вы полностью погружаетесь в иную, но хорошо знакомую реальность, а потом... А потом остае-

тес в ней навсегда. Так приходят в нашу жизнь любимые артисты, художники, композиторы, так и в моей жизни появился поэт Терентій Травнікъ, о творчестве которого все мое дальнейшее повествование.

Терентій Травнікъ (Игорь Аркадьевич Алексеев) родился в Москве в июне 1964 года в родильном доме им. Г. Л. Граур-эрмана, здание которого и по сей день находится на Новом Арбате. Все свое детство и юность он прожил вместе с родителями в «старой» Москве, неподалеку от ул. Плющиха, а точнее – на Ростовской набережной, в доме, который еще долго, аж до начала 90-х стоял на высоком левобережье Москва-реки, – доме, известном в истории как дом фабриканта Сушкина П. И., или проще – Сушкин дом, что на Мухиной горе.

Его отец, Аркадий Павлович Алексеев, родился и вырос на Плющихе, в годы ВОВ был определен в Свердловское суворовское военное училище, по окончании учебы служил в армии, а позже, уйдя в отставку, работал инженером-конструктором в КБ Томилинского завода и играл в любительском джазовом оркестре.

Людмила Георгиевна Алексеева (Филимонова), мать Терентія, родилась в Москве и жила со своими родителями Георгием Григорьевичем и Марией Васильевной в этом же доме. По окончании школы училась на юридическом факультете Московского университета им. М. В. Ломоносова.

Затем работала прокурором отдела в прокуратуре Мос-

ковской области, а позже была избрана судьей Московского областного суда. Ныне она заслуженный юрист Российской Федерации.

Как вспоминает сам поэт, «первые строчки, похожие на стихи» он сочинил в четыре года. Они сохранились, и свой рассказ о Травніке я, пожалуй, начну с цитаты «похожих на стихи» строк:

Чайка над морем —
Лихо порхает,
Ой, как смеется
Мальчик Ваня...

Листок с написанным кривыми печатными буквами (с ошибками) четверостишием сохранила мама будущего поэта и вместе с его детскими пинетками подарила ему на... сорокалетие со словами: «Пришло время пойти и дописать стихотворение...» Казалось бы, это всего лишь шутка, но года через три ее слова, действительно, сбылись и он – пошел...

Да так пошел, что из него буквально «полились» стихи – десятки и сотни четверостиший.

В 2007 году были изданы сразу три книги Травніка: «Cirqulleum», «Graffoslove» и книга стихов-песен «Сушкин дом на Мухиной горе».

В 2008 году в свет выходят еще несколько поэтических сборников. Прежде всего – это прекрасно изданная книга, плод совместного творчества Травніка со своим близким

другом, замечательным московским графиком Александром Моисеевичем Хасминским, и, чуть позже, такие книги, как «Светец» – к пятидесятилетию освящения храма Святителя Николая в Бирюлево, книга, посвященная друзьям поэта – «Апреллиада» и, наконец, книга, проиллюстрированная акварелями самого поэта, а надо сказать, что он еще и хороший художник, «Тихий свет» – поэтическое путешествие по православной Москве.

Вот и вспомнилась мне эта история с первым стихотворением, подаренным ему мамой, вот и появилась у Терентія тропинка в удивительный мир словотворчества. Вслед за выходом книги была написана песня, где на музыку было положено стихотворение – воспоминание о той самой «чайке». Эта песня вошла в его музыкальный альбом «Три желудя на Плющихе». Поясню: не один десяток лет Травникъ пишет песни и исполняет их под гитару. В этом альбоме песня представлена под названием «Бумажная чайка».

И, сделанный неважно,
Летит вперед отважно
Мой голубок бумажный,
Мой белый самолет.

И знаю я, что вскоре
Он станет чайкой в море,
И где-то мальчик Ваня
Ее в песке найдет.

Он принесет ее домой,
И станет чайка вновь живой,
А утром, когда солнце встанет,
вспенив море,
Он к сердцу белую прижмет,
Тайком на берег отнесет
И выпустит опять её на волю...

Конечно, Травнікъ и раньше писал стихи, хотя никогда не называл свое творчество «поэзией». Стихов было немало, были и поэмы, и пьесы в стихах, но что-то его сдерживало от отождествления себя с поэтами. Теперь, познакомившись с ним, я понимаю, что скорее всего это была некая врожденная скромность, нежели неуверенность в своих произведениях. К тому же тогда стихи были всего лишь частью его столь многообразного, сложного, многослойного мира, где умещались, боролись, вытесняли и дополняли друг друга краски, ноты, звуки, цветные и музыкальные образы. А поэзия... Поэзия в это время зрела в нем, ждала своего часа, накапливалась, искала выхода, грозила вырваться наружу и захлестнуть с головой. Он не говорил друзьям о своих стихах, считал, что просто делает «поэтические этюды, экспериментирует», что настоящая поэзия – это очень серьезно, это «действительно вершина творческой реализации, до которой надо идти дорогой длиной в жизнь».

Со слов самого Терентія, с русским языком в школе бу-

душий поэт дружил неохотно, но, неожиданно для самого себя, в четвертом классе вдруг стал, как с улыбкой он мне признался, «временным отличником по русскому, как будто что-то услышал в себе и мгновенно понял и правила, и красоту языка». Травникъ вспоминает: «Я хорошо помню это замечательное время осознания». Позже он все-таки повернул к более любимым им точным предметам, и русский язык надолго «сдулся» до твердой четверки в четвертях.

«Так и осталась, – говорит он, – за сочинение дробь в пять четвертей, правда иногда сползающая до двух... четвертей. Так, например, в восьмом классе, когда я написал сочинение на всю тетрадь, а это двенадцать листов, и раскрыл тему по-своему, проэкспериментировал – воспел Илью Обломова как положительного героя, то заработал и того меньше, а именно два, деленное на два. Опыт провалился полностью. На мой вопрос к учительнице, почему „два“ за грамотность, где все тянуло на четверку, она спокойно пояснила: „Писать надо, Алексеев, как учат в школе, умничать потом будешь“. Теперь бы я с ней не спорил, а тогда возмущался, но все равно не возражал открыто. А это ведь была четвертная районная работа. Потом, помню, это долго обсуждалось в нашем классе. Я тогда был одним из лучших учеников в классе».

Еще в студенческие годы у Травника вышли малыми тиражами такие сборники стихов, как «Неопубликашки» (1983), «Крик в Никуда» (1987), «Четверть века» и другие, но это были скорее сборники песен, написанных им для своей груп-

пы «Ноевъ Ковчегъ», созданной в 1979 году. В свое время Терентій учился в музыкальной школе по классу фортепиано.

Много позже, в 1990 году, крестный отец Терентія, его близкий друг и учитель, ныне покойный Михаил Леонидович Курганов, философ, поэт и публицист, предрек Травніку в одном из посвященных и подаренных ему стихотворений время начала поэтического взлета.

Пророчество сбылось год в год.

В своей книге «Апреллиада», вышедшей из печати в 2007 году, в стихотворении, посвященном Курганову М. Л. «Учитель Молоко» (а именно так звал Терентій своего друга: как он мне объяснил – по первым буквам, написанным через букву «о»), он напишет, вспоминая это:

Меня учил он мыслить сердцем,
А ум мой называл он школяром,
Не позволял топтаться мне на месте
И мысли путал, завязав узлом.

И я вгрызался в тот гордиев узел...
Но вот однажды, протянув мне меч,
Сказал он: «Слаб клинок для сечи...
но скоро будет резать – твоя речь.

Ты будешь голосом лечить
сердце людские.

И ровно через восемнадцать лет —
Зачавшийся сегодня в моей силе —
Взойдет на свет еще один поэт.

Для Травніка поэзия – это облачение в слово всего, что нас окружает. Как? Откуда берутся подобные стихи – он и сам вряд ли ответит на этот вопрос. Вероятно, эти стихи, как он сам заметил в нашей беседе, «случаются» или «приключаются, второе чаще». Как будто «кто-то во мне говорит, а я слышу и отвечаю, позже записываю их и потом особенно не правлю, так, разве что совсем немного». Да и он сам удивляется, откуда появляются эти строки, – «мне всегда было интересно, откуда во мне возникает музыка, изображение, строка. Теперь я понимаю, что это прочувствованное и воссозданное переживание Божественной красоты. И чем больше ты подготовлен, тем ярче и выразительнее ты переводишь ее на язык человека с прекрасного и вдохновенного языка Творца».

Когда опыт души накапливается, то, смешиваясь с сердечной природой, он прорастает для поэта словом. Чем сильнее резонанс с сердцем, тем более вероятность правильной строки и рифмы.

Стихотворение для поэта – это не просто, по его же словам, «концентрированная проза», но и огромная ответственность за сказанное, это как «меткий выстрел навскидку». «Иногда, – делится он со мной, – мне кажется, что все стихо-

творение написано ради одной строчки, одного мгновения, одного вздоха. Это необыкновенное ощущение в душе. Эту строчку надо найти, почувствовать в стихе.

Она есть в каждом хорошем произведении. Это как кнопка, как звоночек – найдете и произносите, произносите, и тогда стихотворение откроется, как занавес, как ворота, как просто дверь, и вы войдете и увидите много больше, чем прочитали. Просто вы войдете в себя, в свое сердце таким образом».

Удивительно, но он почти не работает над стихом, черновик – уже чистовик. Иногда может убрать слово, переставить, но никогда не меняет мысль, тем более изначальный замысел стиха, увиденный и прочувствованный им в первой строке.

Хорошие стихи – это либо дар, либо награда за наработанный жизненный опыт, но все равно поэтом они чаще ощущаются как «незаслуженные, неожиданные, нечаянные». Он добавляет, что это «еще и муки, когда уже не можешь не писать, когда стихи застигают врасплох, просто являются из ниоткуда и стучатся, стучатся, стучатся. Ты бегаешь, ищешь ключи, дергаешь за ручку, пытаешься открыть, просишь подождать, наконец открываешь тетрадь, а там... только записка – мол, заходили и не дождались, извини».

Поэтому ему приходилось писать на песке, на глине и даже гвоздем на кирпичках. Иногда он наговаривал их на диктофон... И все потому, что отказать слову было невозможно,

нельзя этого делать, тем более в поэтической строке, такой неповторимой и почти неуловимой. Она «не приходит дважды, ибо она отражает миг, именно мгновение жизни, мгновение, которое невозможно «остановить», и здесь важно его удержать, запечатлеть и сохранить в первой строке.

Стихотворение будет потом, будет позже, но сейчас только строка, зачатие и ритм, только состояние, зародыш и только жизнь, жизнь и жизнь».

Природа стихосложения таинственна и непостижима, непостижима именно тогда, когда это настоящие стихи, а не зарифмованные мысли и рассуждения. Как считает Терентій, «... каждый стих читается и... читается, а вот от настоящего слова, помещенного в нем, тебя всего трясет, и здесь неважно, сочинил ты его, прочитал у кого-то или просто услышал мельком.

Это как свободное падение, а точнее... свободный взлет, и ошибиться в ощущениях здесь просто невозможно».

Быть поэтом – это миссия, это непростая миссия везде, а в России тем более.

Дело в том, что поэзия – это благодарение, благодарение человека Богу за даренное слово, благодарение словом, Слову через слово. Ответственность колоссальная. За каждое «праздное слово» будем отвечать, а уж за «поэтическипраздное» – вдвойне.

Травнікъ понимает, насколько это серьезно – говорить с людьми на языке поэтическом, на языке «строфы, сошед-

шей из сердца». Отсюда не только радости, но и искушения, трудности и печали в жизни, как это нередко бывает в судьбе истинного поэта.

Поэтическое слово – это и ноша, которую нельзя просто бросить: она не за плечами, она на сердце, к тому же за «каждое суетное, поверхностное слово тебя рано или поздно настигает печаль – и это творческая данность».

Стихи – это боль,
Стихи – это боль-но,
Но все-таки
хочется их создавать.

Писать стихи – это призвание, а быть поэтом – это не только непростой труд, но и подчас «жизненный крест».

Пишу стихи до слез, до плача,
Иначе не могу писать.

Терентій убежден, что «в своем поэтическом состоянии нужно соответствовать гармонии мироздания, а иначе вся эта неточность будет заметна даже в знаках препинания». Надо стараться писать только о пережитом и прочувствованном.

Может, поэтому Травнік не считает поэзией зарифмованную сатиру и иронию, пошлость, грубость, равно как и притворство.

Не всем, кто рифмует, по силам стихи,
Грызть камень не каждый возьмется...

Поэтическое сознание – это постоянные перегрузки. «Поток входит сильный, а «биология» тормозит, вот и сгорают словотворцы», – поясняет он. Но это не фатально. Как только ты понимаешь, что каждое твое слово звучит, воспевая Человека, звучит во славу Божию, то ноша заметно облегчается».

Что говорить, любое творчество – дело нелегкое, но поэзия особенно. Компромисс в ней неуместен. Именно поэтому она в своей глубинной природе – тотальна. Соединяясь с ней, надо знать и понимать, на что ты идешь. И первый показатель правильности выбранного пути – это не только усталость, но и слухи, сплетни и зависть. Увы, но это всегда сопутствует живому слову поэта.

Коснутся поэта хула с клеветой,
Его обрекут на изгнание,
Но вскоре он в небе звездой путевой
Взойдет, вопреки ожиданиям...

Общаюсь с Терентием, слушаю его рассказы о творчестве, замечая, что он мастер устного изложения, мастер рассказа, прекрасно владеет искусством риторики, держит паузу, слышит собеседника и дает ему выразиться. Несмотря на это, я

постоянно задаю себе один и тот же вопрос: «Почему? Почему одиночество? Там, где внимание людей, читатели, встречи, – и вдруг одиночество, это маркесовское «одиночество среди людей». Неужели оно аксиоматично для творчества, и в частности – для поэзии? Ведь поэт явственно ощущает Божественное присутствие, но это, видимо, совсем иное, а в миру – одиночество, и иногда даже слишком острое.

«Люди не спасают от него, это экзистенциальное состояние, нажитое собственным поиском, и связано оно только с тобой и больше ни с кем, – отзывается вслед моим размышлениям Травнікъ. – Вероятно, это результат скорости мысли, наработанной на фоне поэтического восприятия жизни, когда ты наблюдаешь за происходящим вокруг тебя. Когда ты творишь, то все случается быстрее и быстрее, даже мгновеннее, я бы сказал...

Видимо, у поэта эта скорость значительно больше, чем у большинства людей. Вот разбежался, побежал и остался впереди всех... в одиночестве. Назад невозможно, просто нет дороги, да если и была бы, то, думаю, не всякий ею бы воспользовался».

Есть горе от ума, а здесь горе от возможностей и чувствования, хотя различительная грань весьма тонка и прозрачна. Отсюда эта вечная историческая «непонятость», о которой так часто говорят творческие люди. Правда, иногда это манерное, но в большинстве своем так оно и есть...

Но лучше, когда все-таки одиночество вытеснится уединением, и тогда это уже счастье, тогда, вероятно, и создается самое лучшее в творчестве.

«Я не одинок, – говорит Терентій, – но творю в затворе, взаперти. Хотя нередко и случается, что в этом механизме что-то ломается, и вот тогда действительно подвывающим сквозняком вползает в меня одиночество, я остро чувствую его, и прежде всего это одиночество от самого себя. Думаю, это состояние знакомо многим, кто что-то ищет в себе, живя на этой земле, и объяснить его в двух словах нелегко».

А вот писать о природе – это для поэта как жить полной жизнью. Это то, что всегда «и ново, и вечно». Поэт признается, что «отдыхает, когда словом касается этой темы». «Всегда зачитывался стихами Есенина, Бунина, Тютчева – допоздна, до дыр, до корешка зачитывался... Любуюсь, любуюсь их словотворчеством, их видением и чувствованием красоты нашей родной природы. Они все ее мне дарят в своих стихах, так просто и так много сразу», – пишет он в одном из писем к Сергею Хворину, литературному критику из Нижнего Новгорода.

И псевдоним «Травнікъ», конечно же, не случаен, и буква «і» – тоже, и твердый знак в конце – не только правило грамматики в данном случае, а еще и намеренный символ. Когда-то давно «травником» его звали друзья – художники и музыканты. Видимо, потому, что он увлекался изготовлением несложных гербариев: собирал, сушил, клеил на лист

и писал к ним причудливые комментарии. Позже стал ездить за травами по всей России. В детстве немного учился этому занятию у ныне покойной травницы – Александры Ильиничны Орловой. В детстве каждое лето Игорь жил на даче в Софрино с мамой близкого друга своего отца, Владимира Семеновича Орлова. Так вот, баба Шура, так ее все называли, брала его по утрам с собой за травами, которые ей были нужны для лечения. Вставали рано-рано, шли в лес, а там, собирая, она ему и рассказывала о них.

«Мне было интересно все, и запоминал я мгновенно. Баба Шура плохо видела, и мне доставляло особое удовольствие находить для нее всякие травки и быстро приносить, пока она еще собирала в мешок хвою-перегной для своего огорода. Но больше мне все-таки нравилось просто гулять, а ходили мы, надо сказать, далеко и надолго», – пишет он в своем дневнике. Она и стала первой травницей в его жизни и научила различать и находить многие травы. Но, пожалуй, самое главное то, что она заложила «первый кирпич» в фундамент не только его творческого имени, но и всего дальнейшего мировоззрения, вплоть до осознанного вегетарианства и «особого, почтительного» отношения к зеленому цветку в гамме его картин, в домашнем интерьере и в одежде. «Это очень здоровый, миролюбивый цвет. Цвет сердца, я это очень чувствую», – дополняет он.

Уже позже он проведет много лет в путешествиях по России, исходит деревни и села, где соберет знахарский фольк-

лор.

В 1999 году Травнікь заканчивает большой труд об этом и пишет на эту тему книгу «Разнотравье». Она готовится к выходу в свет как раз в это время, когда я работаю над статьей. Думаю, что в этом году многим удастся познакомиться с новой работой Травніка.

Терентіємъ Травнікомъ Игорь стал после принятия таинства святого крещения. По святым это происходило как раз в день памяти Св. муч. Терентия. Игорь испросил благословение на свое творческое имя у протоиерея Алексия Бойкова, который и совершил таинство. Так появился в мире поэт, художник и музыкант Терентій Травнікь, или – «травотрущий», как он сам себя иногда именует. «Это что-то вроде кнута и пряника, – уточняет он, – Травнікь – мягкий, а Терентій – жесткий и перетирающий». С 1990 года он начинает писать картины, книги и музыку уже под этим именем, официально зарегистрированным в Палате по авторским правам при ЮНЕСКО.

В творчестве Травніка выделяется несколько главных тем, которые отражены в его в поэзии, прозе и даже... в музыке. Это философско-богословская тема, лирика о природе, размышления о личном, о слове, языке, литературе, а также стихи-рисунки, стихи-портреты, стихи и сказки для детей. Тема природы, конечно же, занимает немалое место в любом из видов его творчества.

Часто он «рисует» словом, как будто красками, свои сти-

хи, – напомним, что он еще и талантливый живописец, и это особенно заметно в строчках о природе – его слова, как яркие крупные мазки, размашисто и эскизно набрасывают пейзаж, точно и зримо вылепливают деревья, тонко прописывают передний план, играют светом и тенью. Это эксперимент на грани разных искусств, поэт словно пишет словом картину – сочно, пастозно, смешивая краски на палитре страницы, и мы видим его охру, сепию, белила или изумруд в рифме и ритме. «Я — живословец и буквомуз, пишу стихи по нотам и без нот, рисую их также, только реже, а когда пишу картины или музыку, то читаю им стихи, преимущественно классиков...» – пишет он летом 1999 года своей двоюродной сестре Елене в Санкт-Петербург.

К природе у поэта почтительное отношение, а он, улыбаясь мне, добавляет – «еще и почитательное, я всем советую почитать ее книги. Не оторвешься...» Травникъ бесконечно влюблен в нее. Влюблен весь до капельки. «Сколько дорог мною исхожено, сколько тропинок я изучил, но все равно будто и не был нигде, так велика Россия, так велика моя Родина», – с волнением отвечает он в одном из своих писем Андрею Ивановичу Корневу, своему учителю рисования.

Россия росами свежа, —
босая, может, оттого,
Что травы, травы и луга
и в росах вся...
Я россиянин от полей,

от рос закатных и рассветных.

Учу я с детства наизусть

Твою Россию, мою... Русь

«Если история и события на Руси уходят и приходят, то ее овраги, доли и поля, леса и реки живут в вечности, и, обращаясь к ним, проваливаешься с ними в это безвременье», – напишет он позже в своей статье «Зримое золото полей», посвященной творчеству своего друга – художника Юрия Чевелихина. Что характерно, Травніку удалось избежать скучной описательности при создании образа природы, как это часто случалось с поэтами-пейзажистами.

У него особая, анимистическая поэзия. «Я Велимира Хлеб отведаль – вкусён до жути Велимир», – пишет он своей сестре в Петербург.

В своих стихах Травнікъ говорит с природой, ее очеловечивает, одухотворяет, часто явления природы становятся живыми персонажами, действующими лицами, иногда даже пишутся им с заглавной буквы: Осень, Рябина, Метель, Земля. У них свой характер, тонко подмеченные манеры, свои взаимоотношения. Поэт разговаривает с природой, словно хочет услышать от нее какую-то тайну, разгадать ее секрет – и ведь разгадывает.

«Мне интересно ее (природу) так услышать, как было бы для меня самого неожиданно. Нет, я не ищу оригинальности, просто обнимаю ее словом своей души, кладу голову ей

на плечо и засыпаю... засыпаю... – стихами», – пишет он Хелене Квочек, польской журналистке, которая неоднократно, будучи в России, брала у него интервью.

Прежде всего Травнікъ видит природу в слове, а слово одухотворяет через природу. Все, кто мало-мальски знаком с творчеством Травніка, замечают его особое отношение к слову, он и в этом оригинален и неповторим. Не просто строчки, не просто рифмы, а сами слова часто рождаются на глазах у изумленного зрителя. Поэт смело экспериментирует со словоформами, вплетая их в задуманный узор, и, если нет нужного слова в русском языке, оно должно немедленно родиться, «замешаться на палитре листа и мазнуться в строчке», если оно не хочет склоняться по правилам, значит, ему тесно в этих правилах и оно вырывается на волю. Потому и нескучно, потому и привлекает – неординарностью мысли, точностью, меткостью.

Макаю в тучи, пишу на бумаге
Чернильной грозью, дождливыми буквами
Все в той же обычной, школярской тетради,
Промокшей под лирикой и под науками...

«Еще я заметил вот что: даже если и пишу печально о природе, то все равно не так, как о наших житейских делах. В природе все возвышеннее и все оправдано. В ней скорбь высока и радость не резка. В ней всем и всему для поэта есть место...» – отвечал он своими стихами в письмах к другу,

художнику Вадиму Овсянникову.

В ответ получал прекрасные письма-размышления о живописи и о месте художника в истории от знаменитого ныне мастера колористики – художника Вадима Геннадьевича Овсянникова.

Осенняя палитра под ногами.
Размазываю краску по холсту
Я шарканьем по листьям сапогами —
Вот так свои полотна и пишу.

Природа – неисчерпаемая тема для творческого человека, особенно для такого многогранного, откликающегося на события и звуком, и словом, и цветом, как Терентий. Он рисует природу, у него много и музыки, написанной о ней и для... нее.

Есть музыкальные композиции о травах и цветах, миниатюры для гитары с названиями «Календула», «Ромашка», также знаменитые «травниковские» Арборианские симфонические концерты, каждый из которых посвящен определенному дереву, – всего двадцать два произведения. Еще есть музыка для вегетарианцев, музыка кустов, семян и цветов, но это уже совсем другая история.

Я же пишу о Травнике – поэте... или о поэте Травнике – как кому будет угодно.

Когда не пишется, а хочется писать,

То я иду с тетрадию на волю.
А как на воле можно не писать?
Как можно не летать по ветру в поле!?

Сторонушка, я пью тебя захлёбно.
За строчкой строчку с нового листа.
И если суждено прослыть мне звездным,
Твоя в том виновата красота...

Ее – до золота застенчивая осень,
Ее – до хруста снежная зима,
Ее весной разбуженная сочность
И лето красное – для красного словца.

**«Обречена страна на смерть,
Где детства нет и старость нища...»**

С точки зрения Травника-поэта, есть два основополагающих социальных понятия в обществе – детство и старость. Собственно, это неминуемые реалии бытия. Начало и конец, места, вехи или отметины в нашей жизни, нуждающиеся в особом, человеческом понимании.

«Детство требует от среднего возраста воспитания, а старость – уважения», – пишет он в своей работе «Белый уголь, черный снег». Безусловно, и то и другое нуждается в поддержке, в единстве с государственной идеологией и мировоззрением. Как бы ни развивалось общество в интеллектуальном и экономическом плане, если в нем нет того, о чем напи-

сано в этих строчках, оно рано или поздно обречено на вырождение, и в итоге – на вымирание.

«Забота об этом и есть духовное проявление в культуре развития государства. Мне кажется, что только тогда можно говорить о правильном развитии общества. Скажу сразу, эта строчка из моего стихотворения – не лозунг и не призыв, а мое многолетнее личное восприятие и понимание этого, выраженное в поэтической форме. Трагично? – Конечно. Фатально? – Не думаю... – говорит Терентій и далее продолжает: – Это, на мой взгляд, тупик, но все-таки имеющий возможность выхода. Он затяжной в этой трудности, но с этим можно и нужно справиться человекам, чтобы остаться людьми. Но если подобная тенденция сохраняется на протяжении поколений, то это крайне серьезно, и инволюция рано или поздно может начаться. Сначала это выразится в государственной депрессии и личностном цинизме, а позже и в гражданских конфликтах и в финале – в упадничестве. Это может не только привести к смене строя или распаду государственной системы, как уже бывало в истории, но и подойти вплотную к бездне вырождения цивилизации».

Важное место в жизни Травніка занимает его религиозное миропонимание.

Все, что происходит в его жизни, да и в его творческой жизни, в той или иной степени связано с церковью. В начале 90-х он работал в Православной гимназии, просто помогал

ее строить, какое-то время был художником-консультантом в ней. Ездил на реставрацию многих храмов и монастырей по всей России.

Изучил для себя литургику, старославянский язык, церковное предание и святоотеческое наследие. «Это же корни наши. Стебельки мы каждый день видим, а вот корешок увидеть – это в радость. Без него я не живу, а „сеносолюмею“, да и только», – поясняет он в письме к сестре. Духовный поиск ставится им во главу угла и настолько глубоко его привлекает, что он многие годы ведет дневники-рассуждения, снимает документальное кино и создает большую коллекцию фотографий на православную тему. Нередко ему доводилось быть трудником, а то и послушание какое исполнять. То на клиросе пел, то в свечном ящике работал, то чтением, то келарем, но чаще все же реставрировал иконы.

«С 1993 года особой, удивительной веточкой-ветвью в моей жизни проросла история, связанная с подмосковным селом Мелиховом, где находится усадьба великого русского писателя А. П. Чехова. Так уж было Господу угодно, но старый храм Рождества Христова, который стоял на краю села, сгорел, и на пепелище пришел новый батюшка, отец Вадим – Вадим Овсянников, мой добрый и старинный друг (еще с первого ВУЗа) и прекрасный художник. Так вот и началась наша удивительная эта история. А началась она со строительства нового храма на месте сгоревшего. Вместе со мной туда ездили мои друзья и знакомые. Прекрасное время, пре-

красное место, прекрасные люди, – пишет он в дневнике. – Я веду летопись этих лет: снимаю кино, фотографирую всю историю возрождения Рождественской церкви, когда-то запечатленной еще в этюдах так любимого мною Исаака Ильича Левитана. Все это сохраняю в своих архивах. Благодатно – на моих глазах эту землю впервые в истории посетил архиепископ Можайский Владыко Григорий. Вот так рядом с нами пишется и происходит русская история. Не представляете даже, как она близко. И не в учебниках и газетах, а в нашей каждодневности и настолько рядом, что даже руку не надо протягивать. Просто заходи и будь в ней».

Будучи в сердечной дружбе со многими отцами, монахами и настоятелями, Травнікъ вел свою культурно-историческую работу, собирал исторические документы и материалы о современности, писал очерки и заметки для газет и приходских листов.

В 1996 году произошло событие, которое сам Травнікъ называет чудом. Ему, как художнику, пришло веление от одной матушки, а именно заказ на изготовление Креста-мощевика. Терентіємъ был создан эскиз, разработан в пропорциях чертеж, по которому краснодеревщик брат Кирилл вырезал из красного дерева крест. По благословению протоиерея Вячеслава Бобровского, настоятеля храма иконы Владимирской Божией матери в селе Дубна, сейчас это уже святыня Московской области. На сегодняшний день Крест-мощевик находится в Зачатьевском храме города Чехова и является

местом паломничества верующих со всей России.

Позже Терентиёмъ была создана газета «Сад духовный», редактором которой он является и по сей день, а в декабре 2007 года Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II наградил Игоря Аркадьевича Алексеева (Терентія Травніка) «Патриаршей грамотой» за усердные труды во славу Русской Православной Церкви.

По убеждению Травніка, «духовное состояние в человеке, а именно вера, дает ему возможность состояться в жизни. Это как невидимый путь, лестница-дорожка, которая протянулась для каждого из нас через бесконечность. Живя с верою, ты видишь и чувствуешь глубже свою действительность и весь мир».

«В живописи, сколько себя помню, я всегда был религиозен, в музыке тоже, теперь и в литературе. Скажу, что для меня нынешнего вера – это фундамент, и я выкладываю его многие годы. Это путь, который я вымачиваю своими произведениями и... просто вера. Это и есть вся моя жизнь. Это то, что мне позволяет быть самим собой в трудах. Много, что свойственно творческому экспериментаторству, верою отсекается, и остается что-то неоспоримо более важное. Иногда мне кажется, что я, веря своим творчеством, и пришел к простому пониманию веры. Здесь я счастлив, с этим можно и доживать до конца, до встречи с Тем, в кого веришь. Для меня дыхание Божие во всем, поэтому так часто в моих стихах, прозе и песнях звучит Его святое имя, а иначе сти-

хи не оживут, а только напишутся – и все. Когда я начинаю писать, то думаю о Боге, пишу – думаю о Нем, заканчиваю с мыслями о Нем. И всегда благодарю, да, да – просто благодарю. Одну из своих книг я так и назвал «Благодарение».

Я живу и работаю с Богом в душе, Он рядом всегда, но по-настоящему я ощутил это только после сорока лет: видимо, вызрело что-то и проявилось в моей жизни. Что-то такое, что и не описано в моих произведениях, а ведь все они только об этом. Если хотите знать о чем – то... о Любви – и только о ней».

Мы еще долго говорили с Терентиємъ, говорили не спеша, говорили обо всем понемногу, до позднего вечера. Коснулись разных тем, но во всем чувствовалась любовь.

Он как будто все окрашивал в ее цвет, какой – не знаю, но точно – это был ее цвет, прозрачный, терпимый, безусловный и принимающий, – цвет и его творчества.

Не могу теперь сказать, то ли его слова на меня так подействовали, то ли и в нашей встрече действительно тоже что-то «вызрело»...

Многие мои знакомые, спрашивая у меня о Терентии, удивляются – как этот человек может столько успевать: быть и художником, и музыкантом, и поэтом, и фотографом и делать все это хорошо, а я привел здесь далеко не полный перечень его занятий и возможностей.

Спрашиваю... Отвечает: «...благодаря вере. Она – как

нить для солевых кристаллов. Есть соль – то есть способности, и даже талант в каждом из нас, только была бы эта самая ниточка веры, а кристаллы нарастут, обязательно нарастут».

Вот и ответ на этот вопрос – благодаря этой самой ниточке...

журналист

Виталий Моисеев

ГРЯДЕТ ЭПОХА СВЕТОСЛОВЬЯ

От автора

И вновь на радостной печали
Все, что в начале и в конце,
С черновиковости сползая,
Воздаст законченностью мне.

Передаю вам свою лиру,
И пусть струится ее струнь,
Латая строчечностью дыры,
Чтоб парусами натянуть
Льянную лень и, заветровев,
Пуститься снова в кругосвет —
И, в тон душе сердца настроив,
Придать свеченью новый цвет.

2008

«Творят стихи стихотворенья...»

Творят стихи стихотворенья,
И каждой новой строкой
Мои вчерашние сомненья
Стирают. Вслед за чистотой

Они, невидимой рукой
Прижав мою к пустой тетрадке,
Из слов выкладывают кладку,
Раствор счищая запятой.

Еще немного – и с бумаги
Стечет написанное – в жизнь...
Снесут черновики-бараки,
В них нечем больше дорожить.

И сотворенное стихами
Подобье сердца моего
Прилипнет к книге и отстанет
В страничной белизне стихов.

К тебе, читатель, обращаюсь:
Когда стихов коснешься вдруг,
То не бери себе на память,
А просто почитай их вслух.

2009

Молчалиникам...

А песня звучала бескрайне и долго,
А песня лилась без слов и без нот,
И с ней просыпалась иному основа,
Тому, что, безмолвствуя,
в вечность зовет.

Прислушайтесь, слышите?
Сколько беззвучья
Из тихого сердца пропела та новь!..
И в этих души обновленной излучинах,
Течет молчаливым потоком любовь.

20 декабря 2008

«Когда спишемся мы...»

Когда спишемся мы,
Пусть за нас говорят наши книги.
Я пишу в них дыханием ваших судеб:

Между строчек вложил я
Все то, что должен увидеть
Не рожденный еще,
Но грядущий уже человек.

Мне досталось писать
На бумаге о льющейся жизни,
Антрацитно по белому
Свежему снегу пройти,

Дать возможность идущим
За мною по следу увидеть,
Что стекало о нас
С моей говорящей руки.

2008

«В посвист и под ударом кнута...»

В посвист и под ударом кнута
Уносились беспечная тройка,
Под загибающую песнь ямщика
Тосковала душа на излом.

Если б где от неё я нашёл
Два двора, два кола, да и только,
Я бы в думах не так тосковал
О потерянном и о былом.

Мне б вернуть эту тихую Русь —
И в «рецептах»¹, почти по-есенински,
Прописать себе светлую грусть
Без восторгов, объятий и прелестей

Май 2009

¹ *просторечное – рецептах

«Кидайте в небо белых голубей...»

Кидайте в небо белых голубей
Своих открытий, радостей, свершений,
Своих доброт, терпений и прощений —
Кидайте в небо белых голубей.

Кидайте в небо белых голубей,
Играйте белоснежностью летящей —
Всем тем, что в вас хранится настоящим,
Очищенным от плевела страстей.

Кидайте в небо белых голубей —
Надежды вашей, жертвенности пылкой
И бескорыстной трепетной любви —
Кидайте в небо белых голубей.
Начните кистью, дорисуйте скрипкой,
Пусть в голубом купаются они.

Смотрите! – Солнце, голуби и небо,
Белеет парус в небе голубом.
Ещё немного – и коснется света,
И впустит его истина в свой дом.

11 мая 2009

«Тогда, в далеком сорок пятом...»

Тогда, в далеком сорок пятом,
Такой же солнечной весной
Шли поседевшие ребята —
С победой шли к себе домой.

И белоснежным безмятежьем
Мели деревья и кусты,
Как будто не было ни смерти,
Ни слез, ни горя, ни войны.

Но плакали сады, склоняясь
Ветвями к стоптанной траве,
И пахло порохом от яблонь —
Напоминаям о войне.

Был май, была весна в разгаре,
И день, и ночь, и снова день...
Цвела по всей земле, пожара,
Неопалимая сирень.

9 мая 2003

«Давайте вместе слушать тишину...»

Давайте вместе слушать тишину,
Давайте слушать дивное безмолвье,
Я вам для музыки оставлю лишь одну,
Из нот чудесной паузы исполненных.

Пусть распадутся тихие беззвучья,
В молчание уйдя и в бесконечность,
Но слышать тишину мы не обучены,
А значит, не заточены на вечность.

2008

«Есть в каждой победе беда...»

*Светлой памяти Ивана Дмитриевича
и Галины Павловны Дубина*

Есть в каждой победе беда.
По бедам дошли до победы.
Дошли – те, на ком ордена
Сияют натертой монетой.

Я к вам, умудренные деды,
Взываю, колена склонив.
Сияйте бессмертьем Победы
За всех, кто погиб, не дожив

До мая, девятого мая,
До этой победной весны...
Пусть звон колокольно-медальный
Всю плесень сотрет со страны.

Скажу – не «ура» слышу в песнях,
А горькую боль за людей,
За наших сияющих дедов,
Израненных волей вождей.

9 мая 2004

Осеннее – весной...

Обречена страна на смерть,
Где детства нет и старость нища.

И как бы ни старался свет
В ней середину просвещать,
Но золотая только там,
Где есть возможности у жизни
Заканчивать себя в почтение
И с вдохновеньем начинать.

2008

«В весеннем парке утром тихо...»

В весеннем парке утром тихо,
Еще не до людей...
И только бабушка с гвоздикой
Гуляет среди аллей.

Шагает с палочкой, согнувшись,
От самой, от Второй,
Отмерив километры пульса, —
Отчизны рядовой.

Иду за ним – не замечает,
Вздыхает о своем.
Как много горьких слез от мая
Пришло с Девятым днем!..

Не разгоняйте эти тучи,
Оставьте их в покое.
То – материнские рыдания,
То – вдов солдатских горе.

9 мая 2005

Письмо войне

*Ему назначил сорок первый год
Заместо валидола – миномет,
Восьмидесятидвухмиллиметровый...
Дмитрий Сухарев*

Здравствуй, Война! Не вой на людей
Ты свои песни о смерти,
Лучше пропой их (ошибся) пропей
За рваный рубль в конверте.

Да. Это я их так оценил,
Даже дороже, чем надо,
Я бы принес тебе чем закусить,
Взяв от печалей солдата.

Вроде бы все тебе я сказал.
Ну, так пока!.. – На прощанье:
*Несостоявшийся твой генерал
И дезертир по призыванию.*

2008

«В эту ночь – накануне Победы ...»

В эту ночь – накануне Победы —
В блиндаже из обычной квартиры
Всем своим нерастраченным светом
Я точку для отчизны стихирю.

Утром медь заиграет оркестром,
Утром шаг отчеканят парадом,
А пока я строкою от Бреста
До Берлина иду потетрадно.

Как в задаче – из пункта до пункта,
Вышел я, чтоб успеть до рассвета
Написать в своей школьной тетради —
Безошибочно – слово Победа!

9 мая 2006

Реквием

Когда закапывают в землю
Того, с кем жизнь твоя жила,
Когда все сказанное тщетно
И не вернуть, и не исправить, —
Тогда бессильные слова
К молчанью скорбному зывают...

И в этой паузе беззвучья
С тишайшей песнею души
Вся Троица звучит певуче,
Собой оправдывая жизнь.

И во благих пусть водворится
Закопанный сегодня в холм.
Ударит колокол на небе,
В печали принятый за гром...

Нет, – так Архангел свой шелом
На панихиде об умершем
Снимает с поскребью, за кудри
Задев неволью рукавом...

Зима 2008

Книга памяти

*Алексеев Павел Алексеевич, род.1896 в Москве.
Красноармеец 600 ап. Умер от ран
23.2.1942 в 391 омедсб. Похоронен на воинском
кладбище*

Могила 41 в с. Агафино Смоленской обл.

Мне войною оставлены письма.
В них она на затертых листах
Карандашно-прерывистой дрожью
Описала себя в двух словах.

В остальном все размеренно, ровно —
Будто дедом писались они
Не с расстрелянной линии фронта,
А с далекой цветущей земли.

Он скончался от ран в сорок третьем.
Только два треугольных письма...
Два свидетельства. Два – о бессмертье —
Мне вручила от деда война.

9 мая 2007

«Задушевные письма стали редки...»

*И плакать буду я — счастливым на потеху
По истинным слезам и подлинному смеху
Новелла Матвеева*

Задушевные письма стали редки,
Ну а что говорить уж о встречах!
Но стекаются к старости все ручейки
И становятся плавною речью.

Может быть, и забудем о многом тогда
И не вспомним ни мест, ни названий,
Но течет то ли время, а то ли вода,
Отделяя глубины от званий.

И тогда в белоризных одеждах судьбы,
Вынув душу из мира ненастья,
Снова телом коснемся все той же доски,
Как когда-то рукой в первом классе.

«О, сколько на груди своей...»

*Светлой памяти Алексея Павловича
и Екатерины Дмитриевны Сизовых*

О, сколько на груди своей
От слез соленых дат,
Медально рассыпая звень,
Принес с войны солдат!..

И в полевом многоколосье,
То где-то там, то тут,
Напоминальным алым маком
Погибшие поют.

9 мая 2008

Видение

Тяжелая туча – сплошной абразив...
Шлифуют с дождем, скрипя над землею,
И жижа густая ручейно скользит,
Сливаясь в единое с мутной рекою.

Кривятся деревья, овраги ползут,
Дома пустотелые кренятся вяло,
А тучи по небу упорно плывут
И корчат гримасы от ветра устало.

Рождается новая жизнь на земле,
Смывается в небо эпоха водою,
Чтоб пена камнями осела на дне,
А камни поднялись с грядущей волною.

30 июля 2008

Памяти отца

*Первым суворовцам посвящается...
21 августа 1943г*

Кричу молчаньем в смерть:
«Отец, ты где? Я жду тебя, откликнись,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.